

© ЭО, 2005 г., № 1

А. О. Булатов

**ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР В ВЕРОВАНИЯХ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
(ОБ АНИМИСТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ЛОКАЛЬНЫХ
ВАРИАНТОВ ШАМАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ)**

В данной статье мы рассмотрим традиционные анимистические представления народов Дагестана, их эволюцию и трансформацию в течение двадцатого столетия. Объектом нашего исследования являются образы духов, связанные с существовавшими здесь ритуалами медиаторского характера, направленными на установление контакта с миром духов. Суть их заключалась в том, что в трудных ситуациях, возникающих в повседневной жизненной практике людей – при внезапном заболевании, не поддающемся излечению обычными способами, пропаже вещей или исчезновении людей – совершались обряды, направленные на установление связи с духами и получение от них помощи. Многие негативные моменты в жизни людей связывались с вмешательством представителей спиритуального мира, с пересечением, вольным или невольным, их интересов с человеческой деятельностью. Для разрешения таких ситуаций был необходим посредник, наделенный знанием мира духов, умением их вызывать и вступать с ними в общение. Обычно эти функции у народов Дагестана делились между двумя участниками процедуры общения с духами, которая информаторами чаще всего именуется “собиранием” их. Один из участников, ведущий ритуала, в роли которого выступал взрослый человек, обладавший определенной ученостью (знанием некоторых молитв), должен был призвать духов, а другой, ребенок, непосредственно вступал с ними в контакт и получал нужную информацию, которая воспринималась в зрительных образах¹. В некоторых случаях происходило совмещение обязанностей этих двух участников “собираения” духов в одном лице. Характер проведения и направленность этих ритуалов, проведение их в особом, измененном состоянии сознания, для вхождения в которое использовались специальные приемы, момент избранничества посредника духами, эзотерический характер этой практики, сочетающийся с ее сугубо бытовой направленностью, и ряд других элементов, требующих специального рассмотрения, – все это позволяет предположить шаманский характер действий, связанных с исполнением посреднической функции между миром духов и человеческим сообществом в интересах последнего.

Мы остановимся на трех категориях духов, олицетворявших собой параллельную реальность, на урегулирование отношений с которой были направлены ритуалы “собираения духов”. Это духи-джинны, духи мертвых (предков) и духи, территориально связанные с домом, жилым пространством. Из этих трех групп духов основной для нашего исследования является первая, представители которой – джинны – фигурируют в медиаторских обрядах в качестве как духов-помощников исполнителя шаманских действий, так и тех, на кого (умилостивляя или изгоняя их) он должен воздействовать.

Остальные категории духов имеют косвенное отношение к обрядам “собираения”, фигурируя в них в некоторых случаях наряду с джиннами, как духи мертвых², или, в других ситуациях, как бы сливаясь с джиннами, передавая им часть своих функций, как духи, связанные с домашним пространством. Поэтому мы остановимся в первую очередь на образах духов-джиннов у народов Дагестана и на основных направлениях

Абдулгамид Османович Булатов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

их эволюции и трансформации в исследуемый период времени. Остальные разновидности выделенных представителей спиритуального мира будут нами затрагиваться по мере необходимости.

Как показывает полевой материал, у всех народов Дагестана были распространены представления о существовании параллельно с миром людей в этих же пространственно-временных координатах мира духов-джиннов: *жин* (ед. ч.), *жундул* (мн. ч.) – авар., *жиндри* – лак., *чинерар* – лезг., *джинар* – табас., *жинарар* – агул. и др. Мир джиннов во многом копировал мир людей: они также делились по половозрастному признаку, имели семьи, детей, играли свадьбы, могли болеть и умирать. У них существовала своя иерархия, имелись правители (*падишахи*), ученые (*алимы*), было войско.

По традиционным представлениям, среди джиннов выделялись две основные разновидности – белые (или мусульманские) и черные – христианские и иудейские. В обиходе еще использовался термин *шайтаны* как для обозначения джиннов вообще, так и по отношению конкретно к черным, немусульманским джиннам, что, по мнению ряда информаторов преклонного возраста, является более правильным. Белые (мусульманские) и черные (неверные) джинны враждовали между собой, и иногда белые искали поддержки у человека. Так, об одном из жителей аварского сел. Хиндах по имени Чечен-Магомед, который, как считалось, мог общаться с джиннами, рассказывают, что однажды, незадолго до Октябрьской революции, он находился в гостях в одном доме. Внезапно он вскочил, и, ничего не объясняя, выбежал прочь. Через некоторое время он, плача, вернулся и сказал, что было сражение между белыми и черными джиннами, в котором белые, к сожалению, проиграли³.

В целом, все джинны являлись антагонистами человека и вредили ему, но белые джинны считались менее агрессивными и опасными по отношению к людям, а черные воспринимались как исключительно враждебные. Воздействию джиннов приписывались такие болезненные состояния человека, как потеря сознания, паралич, внезапное помешательство, галлюцинации, искривление лица, судороги, онемение. В этих случаях говорили, что джинн “ударил” пострадавшего, отчего тот заболел. Предполагалось, что это происходит тогда, когда люди невольно наносят вред джиннам – каким-то образом оскверняют место их обитания или сборища, толкают их или наступают на них (такое считалось возможным, поскольку, как уже указывалось, джинны представлялись обычно как нечто мелкое). Согласно существовавшим толкованиям, от болезней, вызванных белыми джиннами, человека можно было вылечить, воздействуя на них с помощью уговоров, сопровождаемых жертвоприношениями или даже путем принуждения. “Ударенных” же черными джиннами обычно считали безнадежными, поскольку они, как правило, не поддавались какому-либо воздействию. Тем не менее, в отдельных случаях удавалось спасти их жертву, но это могло дорого обойтись тем, кто брался за исцеление таких больных, так как при этом гнев черных джиннов обращался на них. Представления о вреде, причиняемом джиннами, ограничивались не только внешним воздействием с их стороны, “ударом”, но и связывались с проникновением их внутрь человека, что делало того одержимым джиннами. Нами зафиксирован ряд фактов такого рода.

Приведем некоторые из них. В 1970-е годы в сел. Хунзах Хунзахского р-на в интернате горянок. Зимой многие девочки заболели гриппом. Одна из них стала бредить. Она то плакала, то, обращаясь к кому-то, видимому только ей, просила: оставь меня, уйди, говорила о шайтанах, мучающих ее. Тогда здоровые девочки, услышав о том, что она разговаривает с шайтанами, решили проверить, в самом ли деле больная с ними общается, и спросить у нее о том, чего она сама знать не может. Девочки вышли в другое помещение, и там одна из них, уроженка сел. Салта, сказала, что ее сестру отравили на свадьбе яичницей, и предложила спросить об обстоятельствах ее смерти. Вернувшись в комнату, девочка из Салта в присутствии остальных воспи-

танниц интерната попросила у больной узнать, где и как была отравлена ее сестра. Та сначала плакала, отказываясь и говоря, что шайтаны ее побьют, но все девочки стали ее просить, и она согласилась. Вскоре, после некоторого молчания, больная спросила, что такое *субъят*. Кто-то из присутствующих ей ответил, что это свадьба (это было старое, малоупотребительное слово, которое к тому времени уже вышло из обихода, и вместо него использовалось наименование *ригъин*, поэтому заблуждавшаяся девочка не знала его значения). Больная сказала, что сестру спросившей отравили на субъят яичницей. Тогда перепугавшиеся девочки, уверившиеся таким образом, что их соседку мучают джинны, положили ей под голову для защиты от них длинный кухонный нож, а под ноги с теми же целями сунули веник и убежали в другую комнату, бросив ее одну. Утром пришла учительница, удивилась, что больную девочку оставили в одиночестве, убрала нож и веник. Ей к тому времени стало лучше, и она пришла в себя. Вскоре эта девочка покинула интернат, потому что вообще была слаба здоровьем⁴.

Иногда человек впадал в состояние одержимости в определенном месте и только на то время, пока там находился. Так, неподалеку от сел. Бежта Цунтинского р-на есть так называемая Шайтанская скала, которую местные жители считали местом обитания джиннов. С нее время от времени срывались камни, и там было небезопасно ходить. В этом селении в годы войны жил один юноша, сирота, который, по рассказам его односельчан, оказываясь у Шайтанской скалы, мимо которой проходила дорога, всегда терял сознание и, находясь в беспамятстве, мог отвечать на любые вопросы, касающиеся будущего или судьбы находившихся в отдалении родных и т.д. Этим часто пользовались женщины, у которых мужья были на фронте: подкараулив момент, когда юноша по каким-нибудь делам вынужденно оказывался поблизости от Шайтанской скалы, они дожидались впадения его в бессознательное состояние и задавали интересовавшие их вопросы. По возвращении в нормальное состояние юноша не помнил ничего из того, что говорил. Интересно, что такое случалось с ним только в этом месте и нигде в другое время способности к ясновидению и предсказанию у него не проявлялись. О нем также говорили, что он общается с джиннами, которые будто часто забирали его по ночам из дома с собой. В последующем он переехал в пос. Новый Хушет около Махачкалы, где удивлял знакомых некоторыми фокусами с огнем: мог, например, держать раскаленные угли в руке, положить их в карман, и материя не прожигалась⁵.

Считалось, что одержимостью могут страдать не только люди, но и животные, в которых также могли вселяться джинны. Если собака впадала в бешенство или лошадь начинала нести, не слушаясь поводыря, то говорили, что в них вселился джинн.

Одержимость связывалась не только с джиннами, но и с вселением в человека духов мертвых. Представления подобного рода до недавнего времени (нами они фиксировались еще в начале 1990-х годов) были распространены у лезгин. Одержимость духами мертвых называлась у них *кыяр* (в некоторых селениях Ахтынского р-на использовался термин *самар*). Обычно случаи кыяр происходили во время траурных церемоний в доме умершего, когда его дух внезапно вселялся в одну из присутствовавших женщин, не обязательно родственниц, и та, впад в полубессознательное состояние, начинала говорить от его имени. По словам информаторов, полагалось взять вошедшую в состояние "кыяр" женщину за мизинец, после чего можно было спрашивать у нее обо всем, что могло интересовать присутствующих. Этот момент прямого непосредственного контакта вопрошающего, принадлежащего миру живых, и духа умершего, на время обретшего физическую оболочку, напрямую перекликается с существовавшим у всех народов Дагестана представлением о возможности получить во сне подобным же образом информацию от умерших родственников. Если снился умерший близкий родственник, то, как считалось, если удавалось ухва-

тить его за палец, можно было задать ему любой жизненно важный вопрос, на который должен был быть получен правдивый ответ. Считалось, что обитатели мира мертвых знают все о том, что происходит и может или должно случиться с их близкими в мире живых, и часто приходят во сне для того, чтобы их о чем-то предупредить. Но, поскольку их поведение в сновидении не всегда содержало прямые указания на возможные события, и не всякий раз можно было понять то, что они хотели донести до своих родных, то считалось допустимым прибегнуть к описанному выше способу получения нужной информации. А так как в случаях кыяр речь шла об общении тоже с миром мертвых, то и здесь присутствовал тот же прием установления контакта между представителями двух миров.

В представлениях о мире мертвых у народов Дагестана наряду с каноническими исламскими воззрениями существовали и такие, что несли в себе следы архаических верований. Например, у народов Южного Дагестана сохранялись в исследуемый период представления о возможности оживления мертвых, возвращения их в мир живых в прежнем физическом облике. Молодая женщина из табасаранского сел. Кужник сообщила о случае, произошедшем с ней в детстве, в возрасте примерно 12 лет. Тогда она жила в селении у бабушки, а родители находились на заработках. Однажды, когда она была дома одна, к ним постучалась какая-то женщина. Девочка впустила ее в дом. Та спросила ее о бабушке, узнав о том, что она отсутствует, посидела немного, отдыхая, а затем, уходя, сказала: “Передай бабушке привет от Хабибы”. Женщина была пожилого возраста, худая, во всем черном, с очень бледным лицом. Когда вернулась бабушка, девочка рассказала о визите незнакомки и передала от нее привет. Бабушка, услышав все это, пришла в ужас. Судя по описанию, это была умершая незадолго до этого ее близкая знакомая с таким же именем. Поначалу бабушка информатора решила, что этот визит означает, что теперь и ей пора готовиться к уходу в мир иной, но ничего плохого с ней не случилось, и она спокойно, без каких-либо иных происшествий, прожила еще немало лет. А этот эпизод так и остался необъясненным⁶. Случаи видения умерших людей во плоти среди живых зафиксированы нами и у других народов Дагестана.

У рутульцев подобные воззрения связывались с некоторыми персонажами местного культа святых, обозначаемыми как *гаиб* – “исчезнувшие”, “отсутствующие” (имеется в виду отсутствие их тел в могиле).

Но, несмотря на отдельные проявления таких архаических представлений, рассматриваемых исследователями в качестве одной из особенностей, присущих шаманскому мировоззрению⁷, мир мертвых в воззрениях народов Дагестана в целом мыслился как отделенный незримой, но четкой границей от мира живых. И даже во сне, когда грань между повседневной и потусторонней реальностью становилась зыбкой, стиралась, дистанция между обитателями мира мертвых, приходящими навестить своих близких, и их живыми родственниками сохранялась. И телесный контакт (в данном случае в сновидении) выступает средством прорыва границы двух реальностей, кратковременного соединения двух миров. В повседневной действительности любое соприкосновение с миром мертвых считалось опасным, отсюда проходящее через всю погребальную обрядность народов Дагестана стремление оградить живых от прямого контакта с мертвым телом, с вещами, бывшими с ним в соприкосновении, отсюда же и представления об опасности встречи с голодными духами умерших⁸. Но во сне, когда в качестве активного действующего начала выступала не физическая оболочка человека, а его духовная составляющая, когда человек временно обретал качества духа, такой контакт полагался возможным. Во время кыяра безопасность человека, задававшего вопросы одержимой, обеспечивалась контактом с духом умершего не непосредственно, а через реальную телесную оболочку, на время захваченную духом: т.е. в соотношении “человек-дух умершего”

здесь, в отличие от ситуации контакта во сне, присутствует обратная направленность: не человек приобретает свойства духа, временно утрачивая физическое начало, а дух на время получает телесное оформление, возвращается в плоть (правда, уже чужую). Итак, безопасный, не имеющий вредных последствий, по крайней мере, для одной из участвующих в нем сторон контакт между двумя мирами, воплощающими в себе антагонистические начала, возможен только в том случае, когда представитель одного из них на время получает качества другого – либо те, что уже утрачены им при переходе в иную сферу бытия, либо те, что еще предстоит получить при таком переходе.

Приведем несколько примеров кыяра.

В сел. Верхний Чахчах Магарамкентского р-на в 1980-е годы во время схождения по реке селевого потока унесло тракториста. Трактор вскоре обнаружили, а работавшего на нем молодого человека из этого селения найти не могли. Спустя несколько дней после этого трагического происшествия его тетя впала в состояние кыяр. Это случилось в доме пропавшего парня, куда собрались родственники и соседи, и где пришедшие женщины громко оплакивали его судьбу. Находясь в беспомощности, она от лица пропавшего говорила, что его не там ищут, что его надо искать в другом месте, называя при этом конкретное местоположение тела в нескольких десятках километров от того участка реки, где произошло несчастье, просила поскорее его забрать оттуда, говоря, что ему холодно. Отправившиеся на поиски люди действительно нашли тело унесенного селом тракториста там, где указала его тетя. После этого она больше в состояние кыяр не входила⁹.

Как свидетельствует полевой материал, к числу проявлений кыяра относили не только случаи, понимавшиеся окружающими как вселение духа умершего в кого-либо из живых людей, но и некоторые другие ситуации, связанные с аномальными явлениями, известными широкому кругу разных народов. Речь в данном случае идет о феноменах “иноговорения” или “иновещания”, т.е. неожиданно проявляющейся способности разговаривать на чужих, незнакомых языках, и непроизвольного выделения двойника. Так, по сообщению того же информатора, ее собственная тетя, будучи уже в возрасте, однажды без каких-либо видимых причин внезапно впала в кыяр. Находясь в полубессознательном состоянии, она начала говорить на турецком языке, которого никогда ранее не знала и не изучала. В их семье вообще никто не владел этим языком. Родственники нашли в селении одного человека, который знал турецкий язык. Он стал беседовать с ней, задавал вопросы, на которые она давала вполне осмысленные ответы. Когда через некоторое время тетя информатора пришла в себя, то уже не помнила ничего из того, что говорила, и не могла произнести ни слова по-турецки.

С проявлением феномена выделения двойника связан случай, произошедший в годы Великой Отечественной войны в сел. Курах Курахского р-на. У одной женщины из этого селения муж пропал без вести на фронте. Когда люди пришли выразить ей сочувствие, и среди женщин начался плач, она впала в состояние кыяр, в котором увидела своего мужа среди находившихся в помещении людей. Видим он был только ей. Она стала с ним разговаривать, он отвечал на вопросы, задаваемые ему через жену другими женщинами о судьбе их близких, находившихся на фронте, говорил, кто жив, кто погиб. Сведения эти, по словам информатора, впоследствии подтвердились. Позже эти видения повторялись. Муж приходил к ней в дом, она с ним разговаривала, но каждый раз перед его появлением женщина впадала в полубессознательное состояние, в котором только и могла его видеть и общаться с ним. Так продолжалось до конца войны, пока уже оплаканный и считавшийся мертвым муж неожиданно не вернулся домой целым и невредимым. Видения после этого, естественно, прекратились. Сам муж о ситуации, связанной с явлениями его двойника же-

не, общением с ней, никакого представления не имел и ничего объяснить не мог. До конца его жизни (а умер он в конце 1980-х годов) больше никаких случаев самопроизвольного, спонтанного выделения двойника у него не наблюдалось, так же, как и не было других случаев кьяр у его жены¹⁰.

Описанный случай обнаруживает определенные параллели с существовавшими в Японии в эпоху Хэйан и получившими отражение в классической литературе того периода представлениями о возможности отделения духа живого человека от тела и совершения им самостоятельных действий, причем независимо от воли самого человека, могущего и не знать о его поступках. Но в Японии подобные воззрения связывались с действиями злых духов *моно-но кэ*, порождаемых сильными негативными эмоциями: гневом, злобой, обидой, ревностью – “мраком души”¹¹. В наших же материалах такой мотивации нет и можно говорить лишь о типологическом сходстве представлений о душе, о возможности ее временного выхода из тела у живого человека, не знающего об этом. Близким является и необходимость состояния крайнего эмоционального напряжения, но в дагестанском материале оно должно присутствовать у воспринимающей духа стороны, а не той, что выступает в качестве исходного пункта воздействия.

Подводя итог тому, что сказано выше о состоянии кьяр, приходим к выводу, что пусковым механизмом его являлась вся эмоционально заряженная, насыщенная трагическими переживаниями атмосфера поминок, плача. Не зря во всех сообщениях о кьяре, даже тогда, когда речь идет о различных по характеру феноменах вселения духа умершего и общения с ним без инкорпорирования его в свое тело (за исключением явления “иноговорения”, напрямую не связанного с контактом с конкретным представителем спиритуального мира) всегда присутствует указание на то, что кьяр случается именно во время траурных церемоний, при скоплении людей, что, видимо, оказывало иницирующее воздействие на чувствительные, психически неустойчивые, возбудимые натуры, возможно, истерического склада. Не случайно во всех случаях кьяра фигурируют женщины. Кроме того, как неоднократно подчеркивали наши информаторы, кьяр мог случиться с любой из женщин, пришедших на поминки, а не только с родственницами умершего человека, что также косвенно указывает на связь этого явления с определенным типом психики, не имеющим отношения к родовой принадлежности.

Возвращаясь к основному направлению нашего исследования анимистических воззрений народов Дагестана, связанному с образами духов-джиннов, отметим, что их мир и мир мертвых не отделялись друг от друга четкой границей. При вызывании джиннов, во время сеансов их “собрания” (как буквально переводится с некоторых дагестанских языков процедура общения с ними) можно было с их помощью связаться с кем-либо из умерших родственников, вызвать их. При сборе полевого материала в ряде селений нам приходилось слышать о том, что джинны – это души умерших. Наиболее удобными для установления связи с ними считались среда и пятница, т.е. именно те дни, когда по представлениям народов Дагестана души умерших возвращаются в свои дома¹². В эти дни не рекомендовалось с наступлением вечера выливать на улицу горячую воду, чтобы не причинить им вред и не стать объектом их мести. Эти дни ожидалась наибольшая опасность, исходящая от джиннов. Вероятно, эта ситуация наложения друг на друга и взаимного влияния представления о двух различных категориях духов, изначально относящихся к разным сферам инобытия, является результатом разложения связанных с ними анимистических воззрений.

Места обитания джиннов носили двойственный характер, отражая дуализм и амбивалентность самого мира джиннов, копирующего мир людей, и в этом отношении не только связанного с ним, но и антагонистического ему. Джинны селились, как

считалось, обычно вдали от людей: в старых заброшенных постройках, развалинах, на пустырях, в оврагах, скальных расщелинах, в густых зарослях кустарника. Но они могли жить и на территории, связанной с человеческой жизнедеятельностью: на мельницах, в хлевах, местах выброса нечистот, золе. Источники воды и прилегающая к ним территория – это промежуток между двумя зонами: пространства, освоенного людьми, и остальной частью окружающего мира, находящейся вне области поселения и хозяйственной деятельности людей. Известно много рассказов о людях, пострадавших от джиннов при переправе через реку. Считалось, что джинны особенно активизируются в темное время суток, поэтому запрещалось ходить за водой по ночам. Представляя собой, согласно одной из распространенных мифологических универсалий, границу между земным и потусторонним мирами¹³, вода, соответственно этому, имела в традиционных представлениях амбивалентную маркировку, выступая одновременно как витальное и вместе с тем опасное начало.

Некоторые породы деревьев, например, грецкий орех, также связывались с зоной жизненного пространства джиннов.

Порой местом обитания джиннов могло оказаться и жилище человека, если дом строился на участке земли, где уже обитали джинны. В таких случаях они предпочитали, по существовавшим представлениям, располагаться у входа в жилое помещение, чаще всего под порогом, под окнами, а также в углах комнаты, дымоходе. В связи с этим не рекомендовалось ставить колыбель с ребенком под окном и в углу помещения, чтобы его не побеспокоили джинны. В прошлом в Дагестане среди местных ученых-алимов существовали специалисты, способные определять места обитания джиннов и в связи с этим давать рекомендации по выбору места для строительства дома, приобретению земельных участков и т.д. Таким специалистом был, в частности, ученый Имаммагома из сел. Зехида Цумадинского р-на, умерший в начале 1940-х годов. Однажды к нему обратился за советом односельчанин, собиравшийся купить земельный участок для постройки дома. Имаммагома отсоветовал ему делать это, сказав, что там живет правитель (хан) джиннов. Позже этот участок был куплен другими людьми, семью которых вскоре стали преследовать несчастья, и из них выжило только несколько человек, уехавших из этого места¹⁴.

С проживанием с джиннами на одной территории связывались явления полтергейстного характера. Случай такого рода произошел в сел. Мочох Хунзахского р-на в конце 1930-х годов. Члены одной семьи, по рассказам их односельчан, были буквально выжиты из своего дома в течение 3–4 дней в результате действия невидимой силы. С наступлением темноты и до самого утра их дом забрасывался камнями, летевшими откуда-то снаружи. Началось это все внезапно, и ни причины, ни источника этого нападения жители дома определить не могли. При этом камни не задевали людей, но все стекла и даже рамы в доме были выбиты. Для того, чтобы защититься от града камней, хозяева сложили перед домом каменную стенку, а окна заложили камнями и подперли их тяжелыми предметами. Но это не помогло: стена будто сама собой обвалилась, а вложенные в оконные проемы камни, несмотря на подпорки, были сброшены какой-то силой вовнутрь. Стены дома сотрясались от сильных ударов, от них отлетали куски камня и глины. Свидетелями происшедшего были жители селения и вызванный по этому поводу из райцентра милиционер. Присутствие представителя власти никак не подействовало на разошедшихся духов. Какой-то голос, который слышали только хозяева дома, кричал им, чтобы они убегали отсюда, а ночью кто-то невидимый стаскивал с них одеяла, не давая спать. Отчаявшиеся хозяева вызвали из соседнего селения Хиндах уже упоминавшегося ранее Чечен-Магомеда, считавшегося специалистом по общению с нечистой силой. Он объяснил перепуганным хозяевам, что их дом расположен на территории, где живут джинны, и они (люди), видимо, как-то их побеспокоили, возможно, вылили воду на золу во дво-

ре, и теперь джинны за это им мстят. Вероятно, в этой ситуации Чечен-Магомед никак не мог подействовать на джиннов, так как хозяева вскоре вынуждены были выехать. Сразу после их выезда из дома, по воспоминаниям информаторов, все непонятные явления прекратились¹⁵.

Другая подобная ситуация имела место в сел. Кужник Табасаранского р-на в середине 1980-х годов. В одной семье, проживавшей в этом селении, умирали в младенчестве дети. Выжил только один ребенок, которого жена хозяина родила вне дома, будучи у своей матери. Заметившие эту особенность старшие родственники посоветовали молодым супругам уехать на время из дома, где они жили, чтобы очередной ребенок родился в другом месте. Те послушали совета и переехали в город, поручив присматривать за домом одному из своих родственников. Это был человек уже в годах, прошедший Великую Отечественную войну, физически еще крепкий, а по убеждениям – атеист. Так как хозяева, за исключением носильных вещей, все свое имущество оставили в доме, старик стал там ночевать. Но он сумел провести в оставленном на его попечении доме только три ночи. В первый вечер, по свидетельству информатора, он, зайдя в дом, все тщательно осмотрел, обошел оба этажа, закрыл входную дверь и ставни на окнах, а затем лег спать на первом этаже в небольшой комнате, находившейся между лестницей на второй этаж и выходом из дома. Ночью он проснулся от холода. Дверь и окна были настежь распахнуты. Сначала старик решил, что в дом забрались воры, но, обойдя все помещение, никого не нашел. Тогда он подумал, что, наверное, плохо закрыл дверь и окна, которые распахнулись от сильного ветра. Заново их заперев, он приготовился снова лечь в постель, но спать в эту ночь ему не пришлось. Только он потушил свет в своей комнате, как вдруг услышал на втором этаже какие-то голоса. Нельзя было разобрать слова, но было понятно, что там находятся и разговаривают между собой несколько человек. Выйдя в коридор, к лестнице, ведущей на второй этаж, старик стал кричать: “Эй, кто вы такие? Что вам надо?” Когда он кричал, разговор затихал, когда прекращал, начинался вновь. Превозмогая страх, старик поднялся на второй этаж. Он не сумел включить в комнате свет, который почему-то не загорался (наутро выяснилось, что там были кем-то вывернуты все лампочки), но в лунном свете, проникавшем через раскрытое окно, увидел, что там никого нет. Он понял, что тут дело нечисто, и, спустившись вниз, заперся в своей комнате и просидел до утра без сна. Вечером следующего дня сторож, уже жалевший о принятой им на себя обязанности, пришел в странный дом, захватив с собой фонарь и кинжал: вспомнил слышанные им когда-то рассказы о том, что джинны боятся оружия, особенно кинжала из-за его обоюдоострого клинка.

Ночью все повторилось снова, но уже в больших размерах: с шумом открывались окна и двери, слышались голоса людей наверху, пол скрипел от их шагов. И опять всю ночь старик просидел, вооружившись старым кинжалом и ожидая утра. Хотя ему очень не хотелось идти туда в третий раз, он решил сделать еще одну попытку. Все, что происходило в первые две ночи, повторилось и в этот раз, но теперь наверху, судя по звукам, собралось множество людей, которые вели себя шумно и беспрепятственно. Старик был бы рад, не дожидаясь утра, уйти, но шаги уже слышались не только на втором этаже, но и на лестнице, в непосредственной близости от его комнаты. Еле-еле дождавшись рассвета, он покинул этот дом уже навсегда, заколотив его окна и дверь досками. Прежде, чем уйти, он заметил любопытную деталь: 20 мешков капусты, находившихся до этого на втором этаже, оказались перенесенными кем-то вниз и аккуратно сложенными у входной двери. В дальнейшем в течение многих лет этот дом так и оставался пустым¹⁶.

Данный случай самими информаторами связывался с действиями *эзеллер* – домового. По распространенным у табасаранцев воззрениям, этот дух опасен для детей,

может принимать любой вид. Но проведенный подробный опрос информаторов показал, что в их воззрениях образы различных представителей потустороннего мира во многом уже утратили свою самостоятельность и обособленность, отдельные черты одних категорий анимистических персонажей стали приписываться другим, что является вполне закономерным для современного этапа их бытования: в данном случае произошло наложение некоторых черт, традиционно приписываемых джиннам (склонность устраивать шумные сборища, выживать из облюбованных ими мест людей) на образ домового, чему способствовала и территориальная локализация полтергейстной ситуации.

Иногда, как считалось, люди могли сосуществовать с джинами на одной территории без конфликтов при выполнении ими определенных условий: поддержании в доме чистоты и порядка, тихой спокойной жизни без семейных ссор и скандалов, соблюдении необходимых мер предосторожности в отношении джинов (о них говорилось ранее). По сообщению информатора из рутульского сел. Ихрек, когда он в связи с увеличением своей семьи хотел занять один из пустующих домов в селении, не имевший хозяина, ученый Гасан-хан из этого же села предупредил его, что на территории того участка улицы, где находились оставленные хозяевами дома, живет джинн. Там можно поселиться при условии, что новые жильцы будут вести достойный образ жизни, выполнять указанные выше требования. В противном же случае они будут беспокоить своим поведением "хозяина" этой территории, и жизнь у них здесь не сложится. По словам информатора, он и его близкие последовали совету Гасан-хана, и в дальнейшем у них не возникало никаких проблем с проживанием в этом доме¹⁷.

При том, что ареал "обитания джинов", как это видно из вышесказанного, был достаточно широк, включая самые разные объекты как природного характера, так и связанные своим происхождением с деятельностью людей, некоторые участки территории местные жители выделяли особо: считали, что там находятся центры локальных сообществ джинов. Такие представления у лакцев из сел. Кумух и соседних с ним населенных пунктов связывались с местностью Хуртал мугъали, где, по рассказам, часто можно было видеть джинов. А по мнению пожилых информаторов из кумыкского сел. Нижнее Казанище, частые аварии на определенном участке трассы, проходящей мимо этого селения, объясняются именно тем, что там находится поселение джинов¹⁸.

Обычно джины, как считалось, незримо сосуществовали с людьми, но могли в некоторых ситуациях показываться им, когда происходило пересечение их интересов с какими-либо аспектами человеческой жизнедеятельности. Кроме того, за пределами территории, заселенной людьми, джины представляли в своем видимом облике, и те, кто попадал в места их обитания, могли видеть джинов в их изначальном виде. Согласно воззрениям народов Дагестана джины имели человеческий облик, но маленький рост. Для их обозначения в лакском языке, например, наряду с наименованием *жиндри* употреблялся термин *мёримий*, что означает "мелкие, маленькие"¹⁹. Подобное обозначение существовало и у аварцев.

Другими характерными признаками джинов считались вывернутые пятками вперед ступни и малопонятная для людей манера разговора: отрывистая речь, направленная как бы внутрь себя. Людям джины обычно показывались в обычном человеческом облике, порой даже приняв вид родственников и знакомых. Существует много рассказов о том, как джины приходят домой к какому-либо человеку (обычно это случалось в темное время суток), уводят его с собой, невзирая на сопротивление, заводят на скалы и сбрасывают оттуда, или о том, как они забирают детей, играющих на улице без присмотра взрослых или оказывающихся без их внимания во

время каких-либо празднеств, связанных с большим скоплением людей, например, свадеб.

Так, один из информаторов, молодая женщина, выполнявшая роль переводчицы в лезгинском сел. Межгюль, рассказала о случае, произошедшем с ней в детстве, примерно в шестилетнем возрасте. Тогда она жила с родителями в сел. Хив, населенном лезгинами и табасаранцами. Однажды, когда она играла на улице перед своим домом с соседскими детьми, к ней подошел незнакомый мужчина и велел идти с ним. За это он обещал дать ей конфет. Когда она пошла за ним, он, действительно, дал ей какие-то черные круглые конфетки. Дело было вечером, и так получилось, что ее мать стала звать дочку домой сразу после ее ухода с незнакомцем. Дети, до этого игравшие с ней, сказали, что она только что ушла с неизвестным человеком. Встревожившиеся родители бросились ее искать и вскоре увидели ее уходящей с каким-то мужчиной в сторону природного скального образования, называемого местными жителями "Чертовым мостом". Незнакомец, заметив погоню, тут же куда-то исчез, а подбежавшие родственники увидели, что в ладошке у девочки были зажаты бараньи катышки. Позже старики в селении говорили, что если бы родственники вовремя не подоспели и девочка дошла бы до Чертова моста, то джинн, действовавший в образе неизвестного человека, сбросил бы ее оттуда²⁰.

Широкое распространение у народов Дагестана имели сюжеты о встрече одинокого путника поздно вечером в пустынной местности с веселой шумной процессией, в которую его вовлекали, заставляли плясать до упаду, иногда угощали, но стоило человеку произнести традиционную мусульманскую молитвенную формулу, упомянуть имя Божье или же, если он при оружии, выстрелить или выхватить кинжал, то тут же все исчезало, а изысканные яства оказывались кусками навоза. Если же человек терялся, не мог произнести молитвенную формулу или же она не действовала (рассказы о таких случаях существуют), а оружия при себе не имел, то он вынужден был до полного изнеможения танцевать, кружиться в компании джиннов, пока это им не надоедало, и они не оставляли его, в лучшем случае, в покое. В худшем же они могли, как и в указанных ранее ситуациях, завести его на кручи и сбросить оттуда. Человек, оказывавшийся вовлеченным в компанию джиннов, терял чувство времени, и ему могло казаться, что вся эта круговерть продолжается несколько часов, а по возвращении его домой оказывалось, что он отсутствовал в течение нескольких дней.

В разных районах Дагестана известны рассказы как джинны уводили повитух для того, чтобы они помогли разрешиться от бремени роженице из числа джиннов. Щедрое вознаграждение, получаемое повитухой за эту услугу, при возвращении домой превращалось в навоз и деревянные опилки.

Хотя в большинстве случаев контакта с людьми джинны выступали в человеческом облике, вместе с тем, по существовавшим представлениям, они могли принимать и облик различных животных и неодушевленных предметов: коз, зайцев, кошек, ослов, мяча и т.д. Такой вид джинны обычно принимали тогда, когда хотели поиграть, позабавиться с человеком, но для людей эти игры, как правило, кончались плохо. Так, однажды один из жителей лезгинского сел. Кочхюр допоздна задержался на мельнице и возвращался домой уже в темноте. Ночь была лунная. Где-то на полпути к селению он заметил двух белых коз, непонятно откуда внезапно появившихся на дороге. Они стали вертеться у него под ногами, загораживая путь и не давая пройти. Он пытался их отогнать, но сделать это было непросто: пока он прогонял одну, появлялась другая, которая тоже начинала ему мешать. Так он кружился на одном участке дороги до самого рассвета. Утром его нашли шедшие на мельницу люди. Он топтался на месте, перешагивая из стороны в сторону, что-то бормотал, размахивая руками и отгоняя кого-то невидимого. Его отвели домой, но полностью

в себя он так и не пришел, все говорил о каких-то козах, которые ему мешали пройти. Люди решили, что его “повредили” джинны. Прошло 10 лет, и его сын, выросший за это время, идя по той же дороге ночью, увидел двух маленьких белых козочек. Они кружили друг возле друга, как будто играя... Утром его нашли на том же самом месте. Он кричал: “Уберите от меня коз!”²¹.

Представления о джиннах в течение исследуемого периода наиболее ярко проявлялись в первой половине XX в., в последующем постепенно утрачивая свое значение и переходя в область бытового фольклора. Но было бы ошибочным говорить о полном их исчезновении. Как следует из приведенных ранее примеров, с джиннами часто связываются различные ситуации аномального характера. Приведем еще один любопытный пример интерпретации с помощью традиционных для культурной среды информатора религиозно-мифологических представлений непонятного явления. Информатор – чеченец из Хасавюрта, работающий учителем, рассказал о случае, произошедшем с ним в конце 1980-х годов в Ставрополе, где он летом находился на заработках. Однажды он задержался на работе и возвращался в село, где остановился, уже в сумерках. Чтобы сократить путь, он пошел не по дороге, а напрямую, через поле, мимо большого кургана. Проходя рядом с курганом, он отчетливо услышал звук, похожий на то, будто по кругу ездил несколько десятков повозок с позвякивающими колокольчиками. Сначала он не придал этому особого значения, но когда курган уже остался позади, этот звук повторился и стал его сопровождать. У него возникло ощущение, что невидимые повозки, позвякивая колокольчиками, стали ездить вокруг него, постепенно сжимая круг. Он ускорил шаг, но звуки колокольчиков и поскрипывание колес становились все громче и отчетливее. Наваждение пропало, когда он оказался поблизости от села, где был уже виден свет из окон домов и слышался лай собак. К этому времени он уже почти бежал, чтобы избавиться от невидимых преследователей и нарастающего грохота в ушах. Сам информатор истолковал это происшествие как проделки джиннов, поселившихся в районе старого кургана, которых он, видимо, случайно побеспокоил своим неожиданным вторжением на облюбованную ими территорию²².

Характерной особенностью полевого материала, связанного с периодом конца 1980-х – 1990-х годов, является дальнейшее развитие указанной выше тенденции исчезновения четкого разграничения между различными категориями анимистических персонажей. При этом, если ранее мы отмечали, что в представлениях некоторых народов Дагестана (в частности, табасаранцев) домовым приписывали свойства, традиционно связываемые с джиннами, то теперь в большей степени можно говорить о наличии обратного процесса: различного рода ситуации, связанные с пересечением параллельных человеческого и спиритуального миров, объясняются информаторами как результат действия джиннов. Это имеет место и тогда, когда подобные случаи происходят в месте проживания человека, в его доме. Т.е. джинны в это время выступают уже как обобщенное наименование различных персонажей мира духов, общим свойством которых является негативное воздействие на человека. Приведем несколько примеров.

Тот же информатор из г. Хасавюрта сообщил о случае с его племянником в начале 1990-х годов, свидетелем которого он был. Вечером, в один из дней, предшествовавших Новому году, он находился в гостях у своего брата в этом же городе. Пятнадцатилетний сын хозяина спал в соседней комнате. Внезапно взрослые услышали крик мальчика, звавшего на помощь. Бросившись к нему, они обнаружили, что комната пуста, а форточка в окне, до того закрытая, распахнута настежь. Но отверстие форточки было слишком узким, чтобы туда мог пролезть человек, а выйти из этой комнаты так, чтобы не заметили в соседней, было невозможно. Поэтому родственники поняли, что мальчик находится где-то в комнате. Стали его искать и через не-

которое время обнаружили в узком проеме между стеной и шкафом, где он сидел, весь сжавшись от страха. Когда его оттуда вытащили, то на все вопросы старших о том, что случилось, он в ответ повторял только одну фразу: “Не дайте им меня унести”. Больше ничего от него добиться не удалось. Родственники решили, что его пытались унести джины. В дальнейшем племянник информатора ночевал в комнате с кем-либо из взрослых и такие случаи с ним больше не повторялись.

Другой пример подобной ситуации интересен тем, что информатором является человек, сам ставший объектом воздействия непонятной силы. Молодая женщина, биолог по образованию, родом из сел. Ботлих Ботлихского р-на рассказывала, что раньше часто страдала от наступающего во сне состояния тяжести, оцепенения во всем теле, сопровождаемого удушьем, что в традиционных верованиях народов Дагестана объясняется нападением домового, а точнее, одного из двух основных типов персонажей местного политеистического пантеона, связанного с домом, домашним хозяйством – *хъезлео* (авар), *сухасулу* (лак.), *къарс* (лезг.), *бастрыкъ* (кум.) и др.²³ Это состояние наступало у информатора тогда, когда она спала на спине, поэтому она приучилась спать на боку. Для того, чтобы тяжесть и удушье прошли, ей нужно было пошевелить пальцами правой руки. В конце 1980-х годов с ней произошел следующий случай. В то время она училась в университете в Махачкале и жила в студенческом общежитии в центре города. Однажды в период летней сессии она, вернувшись с консультации перед очередным экзаменом, прилегла в комнате отдохнуть. Там находилась, кроме нее, ее соседка и подруга, которая тоже отдыхала, лежа на своей кровати. В отличие от царившей на улице жары в комнате было прохладно. Одно окно было прикрыто, но не закрыто полностью. Погода была безветренной. Незаметно для себя информатор задремала, лежа, по устоявшейся привычке, на боку. Во сне она случайно повернулась на спину и тут же проснулась, но не успела открыть глаза и пошевелиться, как почувствовала страшную тяжесть на груди. За мгновение до появления этого ощущения она услышала, как задребезжало оконное стекло, будто от тяжелых шагов, и заколыхались занавески. Она пыталась пошевелиться, позвать подругу, но не могла. Несмотря на остававшиеся закрытыми глаза, она каким-то образом увидела, что с помещением, где она находится, творится что-то странное: пространство комнаты вытянулось в сторону открытого окна в виде узкого коридора и стало вращаться как воронка, затягивая ее. Одновременно послышался свист в ушах. Информатора, по ее словам, спасло то, что она держала правую руку на отлете, в стороне с полусогнутыми пальцами и сумела ими пошевелить. Тут же воронка, втягивавшая ее, исчезла и тяжесть с груди спала. Когда после этого она смогла открыть глаза, то заметила, что занавески на окне еще шевелятся, хотя ветра нет. Затем она услышала, как ее подруга спрашивает дрожащим голосом, окликающая ее по имени, пришла ли она в себя, не унесло ли ее? Информатор удивилась тому, что ее состояние было замечено, потому что она не производила никакого шума, который мог привлечь к ней внимание. К тому же ее соседка лежала, повернувшись к ней спиной. Подруга объяснила, что, услышав, как задребезжало окно и заколебались занавески, она очень удивилась и хотела повернуться и посмотреть, что происходит. Но она побоялась это сделать, так как услышала какой-то голос, звучащий как бы внутри нее, который приказал ей оставаться на месте и не поворачиваться, не мешать ему. У нее возникло ощущение, что какая-то неведомая сила уносит ее соседку.

После этого случая информатор поехала домой, в Ботлих, где рассказала обо всем, что с ней произошло, отцу. Ее отец, Шахбанов Ариф, был известным в районе врачом, с успехом лечащим нервные болезни, который мог успокаивать буйнопомешанных, используя в своей практике различные молитвы, бесконтактный массаж, внушение, применяя разные травы, мумие. Она и раньше ему говорила о не-

приятных ощущениях, часто сопровождающих ее сон, но отец успокаивал ее, объясняя, что это связано с ее молодостью, с тем, что у нее “кровь застаивается”. Но теперь он воспринял все по-другому и сказал, что это серьезно. Посадив ее на стул, он встал у нее за спиной и стал читать какие-то молитвы, одновременно водя вокруг нее, особенно около головы, руками. Это было сделано им один раз, и после этого сеанса больше такие состояния у информатора не повторялись²⁴.

Ощущение свиста в ушах, видение окружающего с закрытыми глазами, искривление пространства типичны для большинства подобных ситуаций, описываемых информаторами.

Полевые материалы двух последних десятилетий имеют важную особенность: контакт с параллельной реальностью теперь перемещается из внешнего, чуждого по отношению к человеку пространства в его ближний круг, в максимально освоенную и благоприятную для него часть мира – в его локус, домашнее пространство. Параллельная реальность прорывает границу там, где человек психологически чувствует себя в наибольшей безопасности и, следовательно, более всего открыт и незащищен. Это говорит о коренном изменении вектора направленности воздействия параллельного мира. Встречи с джиннами, в представлениях наших информаторов, ранее всегда происходили вне зоны проживания человека, вне его поселений, обжитой территории, а случались где-нибудь в пустынной местности, когда он был один. В тех же случаях, когда видимое проявление представителей параллельного мира происходило на территории проживания человека, они старались увести оттуда свою жертву, вывести подальше от людей в те точки окружающего природного пространства, которые в силу своего крайнего, пограничного характера выходили за пределы человеческого мира – обрывы, отвесные скалы, вершины гор. Другие случаи активности джиннов на занятой людьми территории были связаны только с их попытками защититься от невольного негативного воздействия на них со стороны человека. Все это свидетельствует о том, что джинны, по традиционным воззрениям, не являлись хозяевами там, где проживали люди, и активное проявление, не инициированное человеком, параллельный мир в лице своих представителей осуществлял вне этой зоны.

С конца 1980-х – начала 1990-х годов, судя по содержанию сообщений информаторов, ситуация меняется. Теперь сферой активности параллельного мира (не конкретизируемого чаще всего в определенных категориях его традиционной классификации) становится внутренний мир человека, его жилое пространство, особенно то, где он наиболее незащищен в силу его функционального предназначения – место сна. Именно здесь и тогда, когда человек либо спит, либо, чаще, находится в промежуточном, переходном между бодрствованием и сном состоянии, и происходят вторжения параллельной реальности в его мир. И это уже не явления во сне умерших родственников или путешествие в сновидении в иные сферы, а реально ощущаемое физическое воздействие, приводящее к резкому выходу из состояния сна и воспринимаемое его объектами как попытка их забрать, унести из этой действительности. Таким образом, присутствует та же схема воздействия параллельного мира на человеческий, что и в традиционных рассказах о джиннах. Меняется лишь место преимущественного проявления параллельной реальности.

Подобные случаи чаще фиксируются в городах, где, в отличие от веками устоявшихся принципов расселения и жизнедеятельности в сельской местности и связанных с этим представлений о различном образом маркируемых зонах окружающего пространства, нет определенных разграничений территорий преимущественного сосредоточения и проявления представителей “иномирья” и человеческого пространства. Но прежние архетипические схемы продолжают жить – в сознании людей – современных городских жителей, и активируются различными причинами, рассмотре-

ние которых выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что в нашем материале есть примеры, связанные как с людьми, обладающими высокой чувствительностью, тонкой нервной организацией или находящимися в переходных, в физиологическом отношении, периодах – переходный возраст у подростков, климактерический и период беременности – у женщин, так и с теми, кто по своим возрастным, психологическим, интеллектуальным и иным характеристикам далек от каких-либо отклонений от среднего уровня, не обладает развитой фантазией и обостренной чувствительностью. Наиболее распространенный, в духе современности, вариант объяснения случаев вторжения параллельной реальности в земную повседневность и наиболее удобный как для их фигурантов, так и для окружающих – это отнесение всех подобных ситуаций к числу аномальных явлений. Но этот вариант и наименее ценен с исследовательской точки зрения, поскольку заменяет один знак “X”, связанный с традиционным мифологическим осмыслением, на другой такой же, определяемый современной неомифологией.

В социальном плане источник указанной трансформации представлений о проявлениях параллельного мира можно видеть в разрушении прежнего, в большей или меньшей степени традиционного уклада жизни и, соответственно, связанных с этим бытовых религиозно-мифологических воззрений при переходе в городские условия, атомизацией жизни людей в большом городе в условиях современной цивилизации. Как следует из полевого материала, разрушение традиционных религиозно-мифологических представлений не приводит к утрате лежащих в их основе архетипических начал, в том числе и того, что связано с параллельным инобытием и формами его проявления.

В психологическом отношении на основу этих сюжетов указывает состояние, в котором разворачивается их действие – сон или сноподобное состояние, что свидетельствует о том, что их источник следует искать в процессах активизации определенных участков мозга при торможении других, налагаемых на конкретные особенности психики субъекта²⁵.

Подведем некоторые итоги сказанному выше.

Полевой материал свидетельствует, что, несмотря на размывание границ между джиннами и иными анимистическими персонажами, на сохранение их образов в основном в памяти старшего поколения, говорить о полном их исчезновении не приходится. Образы представителей параллельного мира обнаруживают свойство приспособляться к меняющимся условиям человеческого бытия. Их существование поддерживается некоторыми труднообъяснимыми происшествиями и аномальными явлениями, свидетельством чего являются приведенные выше сообщения о подобных случаях, относящихся к периоду 1980-х – 1990-х годов и связываемых информаторами в основном с действиями джинов. Стирание границ между джиннами и другими категориями духов свидетельствует, с одной стороны, о разрушении прежней картины анимистического восприятия действительности, с другой – выступает как средство подпитки тускнеющих традиционных образов джинов за счет разрушения образов иных представителей спиритуального мира и восприятия некоторых связывавшихся с ними особенностей. Имеет место и обратный процесс (однако в меньших масштабах) переноса ряда черт, приписывавшихся джиннам, на образы духов мертвых или духов, связанных с домом и домашним хозяйством.

Применительно к настоящему времени можно говорить не об исчезновении представлений о джиннах, а об уходе их из зоны внешнего восприятия человеком окружающей действительности в ее внутреннее потенциальное содержание. Подтверждением этого служит ответ информаторов на вопрос о том, почему сейчас стало мало сообщений о встречах с джиннами: они все перешли в людей, поэтому люди в последнее время творят так много зла. Образы параллельной реальности сохраня-

ются ныне в качестве некоей архетипической схемы, возрождаемой новыми ситуациями, выходящими за рамки повседневной действительности.

Следует отметить, что представления отраженные в приведенном выше мнении информаторов, обнаруживают прямую аналогию с существовавшими у некоторых народов Сибири воззрениями о наличии в мире духов двойников всех людей и материальных предметов, которые могут проникать в голову человека и воздействовать на его мысли²⁶. В связи с этим вспомним, что, согласно традиционным верованиям народов Дагестана, у каждого человека в мире джиннов был свой двойник.

Параллельная реальность не только копировала человеческий мир, но и выступала в качестве противоположного ему начала, антимира. Многие черты мира джиннов строились на принципе противоположности миру людей: джинны внешне подобны человеку, но люди большие, а они маленькие, и ступни у них вывернуты наоборот; люди разговаривают понятно, речь джиннов отрывиста, глуха и труднопонимаема; люди действуют в основном днем, джинны преимущественно ночью; люди живут в домах, джинны обитают, главным образом, в пустынных, редко посещаемых человеком местах или же на свалках, местах выброса нечистот. Это – мир наоборот, и контакт его представителей с людьми, соответственно, имел, по преимуществу, негативную маркировку. Но вместе с тем этот мир неотделим полностью от человеческого бытия и пересекается с ним в определенных точках.

В верованиях населения некоторых регионов арабского мира (в частности, в Марокко) сохранились представления о том, что джиннам для их существования необходимы люди, плодами трудов которых они пользуются²⁷. У народов Дагестана подобных представлений нет. В их воззрениях джинны предстают как локальные территориальные духи, “хозяева” определенных участков местности, водных источников, в качестве которых их интересы могут пересекаться с человеческими. Это своего рода соседи по коммунальному быту на лоне природы, со смещенным относительно человеческого во временном и пространственном отношениях распорядком жизнедеятельности, с которыми бывают конфликты, но с которыми лучше договариваться. Без вреда для себя общаться с этим миром мог только человек, сакрально отмеченный, тот, кто сам нес в себе его черты. Это могло проявляться, по существовавшим представлениям, в особенностях внешнего облика (например, в необычном цвете глаз, каким для жителей Дагестана являлся синий или голубой), странностях в поведении, выразившихся чаще всего в стремлении к избеганию или ограничению общения с людьми, других необычных качествах. Реально значение имели только особые психические свойства, позволявшие определенным лицам выполнять посреднические функции по отношению к представителям человеческой и параллельной ей спиритуальной сфер реальности в интересах членов родственных и территориально-соседских коллективов.

Завершая анализ анимистических воззрений народов Дагестана, связанных с существовавшими здесь ритуалами медиаторского характера, остановимся на еще одном вопросе.

Некоторые авторы, касавшиеся образов джиннов при описании анимистических представлений народов Дагестана, считают, что определяющую роль в их складывании сыграла мусульманская компонента, дополненная некоторыми заимствованиями из местных языческих представлений о духах. Этим объясняется наличие широких параллелей им в аналогичных представлениях других народов, у которых существовал ислам²⁸.

Действительно, в образах джиннов, сложившихся у дагестанских народов, прослеживаются черты, аналогичные тем, что описаны в Коране и в трудах мусульманских арабских теологов²⁹. Они также обнаруживают много общего с представлениями о духах (джиннах, пери) у других исповедовавших ислам народов Кавказа³⁰, Средней

Азии³¹, Передней Азии³², Африки³³. Отметим, что, по нашим данным, дагестанский материал имеет наибольшее сходство со среднеазиатским, который исследователями связывается с шаманством. Но главная причина этого сходства, основа этой близости, на наш взгляд, кроется не во влиянии исламского мировоззрения. Ислам сам наложился на существовавшие у арабов и других народов, попавших в ареал его распространения, представления о духах и частично их воспринял и канонизировал.

Образы джинов у народов Дагестана находят параллели далеко за пределами территории распространения ислама³⁴. Причина этого в том, что джины принадлежат к числу персонажей низшей мифологии или, как еще называют эту область анимистических воззрений, актуальной демонологии³⁵, имеющих общие черты в представлениях широкого круга различных народов независимо от их конфессиональной принадлежности. Исследователями отмечаются в качестве универсальных такие свойства персонажей низшей мифологии, как оборотность, перевернутость их мира по отношению к земному, человеческому, проявляющаяся в противоположном по фазе временном ритме, локализации в негативно маркируемых или табуируемых местах (например, там, где выбрасываются нечистоты, отхожих местах), приверженности к "анти-пище" (употреблении в пищу нечистот), повернутых наоборот ногам и вывернутых языкам, следствием чего является непонятная для людей речь; невидимость параллельного существования, а при видимом проявлении и передвижении – множественность; легкость внешних метаморфоз и способность превращаться в различных животных; стремление к вступлению в любовную связь с человеком³⁶.

Все эти качества находят себе прямые соответствия в описанных выше чертах и особенностях мира джинов в представлениях народов Дагестана. Поэтому подлинную основу существующих параллелей данным персонажам следует искать не в общей для ограниченного числа народов исламской мировоззренческой основе, а глубже, в доисламском и, шире – домонотеистическом субстрате традиционных верований и свойственных ему универсалиях.

Одним из подтверждений сказанного служит замеченное А.В. Коноваловым в верованиях народов Средней и Центральной Азии, связанных с джинами, противоречие, присутствующее и в соответствующих представлениях народов Дагестана – пища джинов (и их угощением – по дагестанским материалам) считался овечий помет, что было связано с пониманием их как нечистых существ, тогда как в канонической исламской трактовке, выраженной в Коране, джины сотворены из огня, т.е. из чистой субстанции³⁷.

При проникновении ислама в Дагестан, видимо, произошло наложение представлений арабов о джинах, зафиксированных в Коране, на местные образы локальных духов природы, в результате чего последние при сохранении своего содержания получили название, общее для народов, попавших в ареал влияния арабской культуры. Подобная ситуация отмечалась исследователями и в отношении образов джинов в верованиях народов Средней Азии³⁸.

Примечания

¹ Не все дети подходили для участия в ритуале "собрания" духов. Помимо обязательного условия – возраст до 12 лет (т.е. до начала полового созревания) и, в ряде случаев, синего или зеленого цвета глаз, требовалось, чтобы с этим ребенком – посредником "захотели бы общаться сами духи", что выявлялось только на практике, при попытке их "собрать".

² Духи предков в значительной степени вытеснили образы джинов в медиумных практиках шаманского типа в период конца 1980-х – 1990-х годов.

³ Сообщение Д.А., 1905 г.р., сел. Тануси Хунзахского р-на.

⁴ Сообщение М.Б., 1960 г.р., сел. Мочох Хунзахского р-на.

⁵ Сообщение М.Р. и Г.Ш., 1932 г.р. и 1940 г.р. уроженцев сел. Бежта Цунтинского р-на.

- ⁶ Сообщение К.Г., 1966 г.р., сел. Кужник Табасаранского р-на.
- ⁷ Жуковская Н.Л. Шаманизм: религия? Мировоззрение? Практика? // Наука и жизнь. 1998. № 8. С. 150.
- ⁸ Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990. С. 58, 83–84.
- ⁹ Сообщение Г.А., 1963 г.р., сел. Верхний Чахчах Магарамкентского р-на.
- ¹⁰ Сообщение Н.Н., 1933 г.р., сел. Курах Курахского р-на.
- ¹¹ Боронина И.А. Духи зла моно-но кэ в японской литературе эпохи Хэйан (IX–XII вв.) // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998. С. 115, 117–119.
- ¹² Подробнее об этом см.: Булатов А.О. Указ. соч. С. 82–83.
- ¹³ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 825–826; Еремина В.И. Историко-этнографические истоки мотива “вода-гора” // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 204; Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. С. 13.
- ¹⁴ Сообщение М.П., 1962 г.р., уроженца сел. Кидеро Цунтинского р-на.
- ¹⁵ Сообщение Г.Р., 1901 г.р., сел. Мочох Хунзахского р-на.
- ¹⁶ Сообщение М.К., 1929 г.р., К.М., 1920 г.р., К.Г., 1922 г.р., уроженцев сел. Кужник Табасаранского р-на.
- ¹⁷ Сообщение Э.Д., 1948 г.р., сел. Ихрек Рутульского р-на.
- ¹⁸ Сообщение А.У., 1920 г.р. и С.С., 1918 г.р. сел. Нижнее Казанипе Буйнакского р-на.
- ¹⁹ В связи с этим термином находится другой – *мёриминнавх*; так у лакцев называли чело-века, общающегося с джиннами, отрешенного от мира людей.
- ²⁰ Сообщение Г.С., 1965 г.р., уроженка сел. Хив Хивского р-на.
- ²¹ Сообщение А.А., 1925 г.р., сел. Кочхюр Курахского р-на. Следует отметить, что представления о возможности принятия джиннами, наряду с образами других животных, облика козленка, были распространены у турок. См.: Гордлевский В.А. Из османской демонологии // Избр. соч. Т. III. М., 1962. С. 302, 303; Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970. С. 105.
- ²² Сообщение С.С., 1959 г.р., г. Хасавюрт.
- ²³ Подробнее об этом персонаже см.: Булатов А.О. Указ. соч. С. 132–146.
- ²⁴ Сообщение Ш.Ф., 1961 г.р., уроженки сел. Ботлих Ботлихского р-на.
- ²⁵ Подчеркнем, что данное объяснение, как мы уже говорили об этом ранее в несколько ином контексте, подходит не ко всем ситуациям и фигурирующим в них людям.
- ²⁶ Попов А.А. Пережитки древних религиозных воззрений долган на природу // Сов. этнография (далее – СЭ). 1958. № 2. С. 86; Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М., 1999. Ч. 1. С. 99–100.
- ²⁷ Власова О.А. Демонология в Коране и в арабской народной литературе // Восточная демонология... С. 283.
- ²⁸ Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991. С. 26.
- ²⁹ Остроумов Н.П. Аравия и Коран (происхождение и характер ислама). Опыт исторического исследования. Казань, 1899. С. 194–195; Он же. Исламоведение. Т. 1. Ташкент, 1910. С. 201–202; Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 374; Лэйи Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982. С. 198–201; Полосин В.В. “Фихрист” Ибн-ан-Надима как историко-культурный памятник X в. М., 1989. С. 10; Мифологический словарь. М., 1990. С. 185; Манасра У. Джинны в верованиях арабов // Ислам и народная культура. М., 1998. С. 203–212; Власова О.А. Указ. соч. С. 258–286.
- ³⁰ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. С. 407; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 53; Далгат Б. Перво-бытная религия чеченцев // Терский сб. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. Вып. III. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 77–83; Жардецкая Н. Народная медицина и лечебная магия у черкесов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940. С. 64; Басилов В.Н. Пережитки колдовства у ингушей // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971. С. 123–124; Керейтов Р.Х. Некоторые реликты доисламских верований у ногайцев // Проблемы атеистического воспитания в условиях Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1979.

С. 105–106, 128; *Мижаев М.И.* О некоторых верованиях адыгов // Там же. С. 120, 121–122; Кавказско-иберийских народов мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 605 и др.

³¹ *Снесарева Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 26–29, 56–57, 59; *Он же.* Под небом Хорезма. Этнографические очерки. М., 1973. С. 34–37; *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. С. 98–99, 105; *Он же.* Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 95, 96, 97; *Он же.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. С. 229–238; *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. С. 132–133, 135; *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 12–15, 37–38; *Муродов О.* Традиционные представления таджиков об алджина // СЭ. 1975. № 5. С. 96–105; *Тайжанов К., Исмаилов Х.* Особенности доисламских верований у узбеков-карамуртов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. С. 113, 118, 119 и др.

³² *Гордлевский В.А.* Из османской демонологии // Избранные сочинения. Т. III. М., 1962. С. 301, 302–304, 316–317, 318, 322; *Он же.* Быт османца в суевериях, приметах и обрядах (материалы) // Избранные сочинения. Т. IV. М., 1962. С. 83; *Серебрякова М.Н.* Функциональная роль магии в обрядах деторождения у современных турок // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М., 1986. С. 200, 209.

³³ *Ислам в Западной Африке.* М., 1988. С. 37, 43–44; *Ислам в Восточной, Центральной и Южной Африке.* М., 1991. С. 30.

³⁴ *Зинovieв В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 105, 106, 107–108; *Максимов С.В.* Нечистая неведомая сила. Т. 1. М., 1993. С. 21; *Носенко Е.Э.* Представления евреев о демонах, злых духах и прочей нечистой силе // Восточная демонология... С. 221, 222, 223, 226, 229, 248; *Неклюдов С.Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Там же. С. 6–43; *Котоженков А.И.* Человек и духи природы: возможность контактов по традиционным хакасским представлениям (Постановка проблемы) // Матер. междунар. интердисциплинарного научно-практич. симпози. "Экология и традиционные религиозно-магические знания". М., 2001. С.214.

³⁵ *Неклюдов С.Ю.* Указ. соч. С. 18.

³⁶ Там же. С. 12–15, 17, 20.

³⁷ *Коновалов А.В.* Опыт реконструкции элементов традиционного мировоззрения казахов // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991. С. 158.

³⁸ *Снесарева Г.П.* Реликты домусульманских верований... С. 57; *Баялиева Т.Д.* Указ. соч. С. 133; *Басилов В.Н.* Шаманство у народов... С. 230.

A. O. Bulatov. The Parallel World in the Beliefs of Peoples of Dagestan: On Local Varieties of Shamanistic Practices and Their Animistic Bases

The author examines the representation of jinns in beliefs of Dagestan peoples and their relationship to other mythological spirits of lower ranks in order to trace the transformation and development of the image of jinn in the period from the late nineteenth century through the twentieth century. An effort is made to uncover pre-Islamic strata in these beliefs and analyze their relationship with Koranic images of jinns. The study leads the author to argue that the notion of the parallel world continues to exist as an archetypal theme, which is maintained despite the changing conditions of social life and repeatedly revived by anomalous situations of various sorts.